

Аннотация. Статья посвящена проблеме межкультурных различий, под которыми понимается признание уникальных отличий каждой из культур, выраженных в специфичном отношении личности, групп к миру и людям в виде ценностей, традиций, видах деятельности, ментальности и поведении.

Актуальность исследования межкультурных различий вызвана противоречивой социокультурной и политической ситуацией в современной Европе и мире, реалиями интеграционных и дезинтеграционных процессов. В статье рассматриваются возможные пути и перспективы взаимодействия Беларуси с разными культурами и государствами, в том числе с Россией.

Ключевые слова: культура, различия, толерантность, национальная идентичность, ценность, диалог, белорусская культура.

Abstract. The article deals with cultural differences, which are understood as recognition of the unique differences of each culture, expressed in a specific relation to the individual, groups of people and to the world in the form of values, traditions, activities, mentality and behavior.

Relevance of the study of cultural differences caused by contradictory socio-cultural and political situation in modern Europe and the world, the realities of integration and disintegration processes. The article discusses possible ways and prospects of cooperation between Belarus and the different cultures and countries, including Russia.

Key words: culture, diversity, tolerance, national identity, value, dialogue, Belarusian culture.

Вопросы терпимости вероисповедания, расизма, равенство и гражданские права, дискриминация, экономическое и социальное неравенство, рост национализма и угроза фашизма сегодня стали, к сожалению, крайне актуальными. Многие гипотетические соображения С. Хантингтона становятся в современной социокультурной ситуации реальностью. Как показывают последние десятилетия, глобализация и глобализм усиливаются. Как отмечает американский социолог В. Робинсон, «... глобализация вытесняет национальное государство как организационный принцип социальной жизни при капитализме; <...> вместо интернациональной стадии развития капитализма возникает транснациональная, означающая экономические и связанные с ними социальные, политические и культурные процессы, включая формирование классов, которые сменяют национальные государства» [1, р. 45–46].

Однако, как нам представляется, все многообразие сложных межкультурных и межгосударственных отношений сводить к глобализации нецелесообразно. Помимо универсализации и интеграции реальностью стали дезинтеграционные процессы, сепарация. К тому же вызовы глобализации рождают разные формы культурного ответа в виде вариантов глокализации и гибридизации культуры. На фоне этих процессов противоречия между разными странами и культурами Европы, Азии, Африки обостряются. Причины конфликтов заключаются не только в экономическом или

политическом противостоянии, но и касаются ценностно-культурного, национально-этнического аспектов разногласий. Именно они в настоящее время играют исключительно важную роль. В этой связи уместным будет привести следующее высказывание упомянутого выше С. Хантингтона: «Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотившимся на основе общности культуры или цивилизации. Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническими, религиозными и цивилизационными. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике» [2, с. 185].

Меняется, таким образом, понимание концепта «цивилизация»: оно смещается в сторону принципа «язык и культура», что означает отход от географической составляющей. Цивилизация рассматривается как «собрание культурных характеристик и феноменов» (Ф. Бродель). Подобное понимание цивилизации обостряет проблему существования «малых» или «новых» национальных культур, ставит вопрос об их цивилизационной и национально-культурной идентичности, о многообразии путей развития огромного количества культур, в том числе и традиционных.

Рубеж XX–XXI вв., особенно 1990-е гг. обострил проблему национально-культурной идентичности, связанной с распадом глобальных политических систем, возникновением новых государств. Вопросы «Кто мы такие?» и «Куда мы идем?» оказались актуальными для многих стран, в том числе и для Беларуси. Поиск национальных форм развития в русле сложившейся одно- или биполярной политической и экономической модели развития мира продемонстрировал ее несостоятельность. В то же время следует отметить сложность и противоречивость процессов включения «новых» государств и культур в глобальную сеть постиндустриального информационного общества. Отмеченная противоречивость определяется неоднозначностью идентификационной стратегии – выбора принадлежности к определенному типу цивилизации или культуры. Критерием подобного выбора являются религия (исламский тип цивилизации, христианская культура и т.д.), тип социально-экономического развития (путь модернизации, вестернизации, традиционный путь), региональный принцип с присущими ему ценностно-смысловыми, социально-экономическими стратегиями (западноевропейская, американская, российская модели и т. д.). Очевидно, что инкорпорация новых или переживающих возрождение культур в мировое пространство будет производить или уже производит собственные варианты экономической, политической жизнедеятельности, соединяющей новоевропейские техногенные установки с ментально-ценностными парадигмами данных культур. В этой связи так называемые нестержневые культуры стоят перед выбором цивилизационной принадлежности, вопрос о которой для белорусской культуры и государства, как нам представляется, остается по-прежнему открытым.

Мультикультурный облик Европы, пертурбации цивилизационного характера, обострение ситуации в Украине и вокруг Украины и России диктуют необходимость поиска и Беларусью стратегий-выходов из сложной экономической и политической ситуации в силу ее геополитического и культурного положения. Очевидно, что решение экономических и политических вопросов невозможно без сохранения суверенности и национальной идентичности как одной из актуальных проблем для Беларуси. Ее решение оказывается непростой в условиях довольно низкого уровня национального самосознания, связанного с преобладанием (в целом и общем) территориального фактора идентичности над ценностно-культурной идентичностью (национальный язык, память, история и т.д.), а также общеевропейской глобализацией и глобализацией со стороны такой стержневой культуры, как Россия. Тем не менее тенденции начала второго десятилетия XXI в. указывают на определенные позитивные изменения в динамике национальной идентичности, вызванные возрастанием положительного имиджа Беларуси на международной арене, продвижением белорусского экономического и культурного продукта, развитием туристической сферы и т.п. Об изменениях в картине идентичности говорит способность большинства граждан достаточно четко определять отличительные черты национального характера и ценности белорусской культуры. Однако в развитии национального самосознания и патриотизма существенное место занимает экономический фактор и фактор доверия президенту. Очевидно, что как только наступает ситуация экономического финансового кризиса, индекс доверия и патриотизма снижается при общем высоком уровне самокритичности белорусов.

За время суверенного существования внешнеполитические и культурные направления развития Беларуси претерпевали незначительные изменения: основным партнером оставалась Россия. Ориентация на взаимодействие со странами Западной Европы, США дополнялась в начале 1990-х гг. отношениями со странами постсоветского региона и ближайших соседей. Обострение ситуации вокруг Беларуси во второй половине 1990-х гг. сместило акценты межгосударственных, межполитических и межкультурных связей – отношения с Западной Европой и США стали натянутыми, так называемое российское направление оказалось главным во внешней политики Республики Беларусь. Об этом свидетельствует и официально принятая администрацией А.Г. Лукашенко внешнеполитическая доктрина в 1995 г. В качестве приоритетов были обозначены: укрепление суверенитета страны; усиление многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами СНГ при углублении отношений с Россией; развитие отношений со странами Запада, в том числе Центральной и Восточной Европы; создание благоприятных условий для сотрудничества с международными организациями. Однако главным вектором внешней политики оставалась Россия.

На рубеже 1990–2000 гг. преобладание восточного вектора в противовес западному оказалось неперспективным: был провозглашен курс

на многовекторную внешнюю политику. В некоторой степени это проявилось в активизации связей со странами Латинской Америки и вступлении страны в 1998 г. в Движение неприсоединения. В 1999 г. была также выдвинута концепция создания «пояса добрососедства» вокруг Беларуси. Однако улучшить отношения с Польшей и странами Балтии, как и нормализовать отношения с государствами Евросоюза, с США, в целом не удалось.

В то же время с Россией был заключен ряд договоров союзнического характера. Так, еще в 1995 г. был подписан белорусско-российский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В 1996 г. Беларусь и Россия заключили Договор об образовании Сообщества, в 1997 г. трансформировали его в Союз. В 2000 г. вступил в силу Договор о создании Союзного государства.

В настоящее время Беларусь придерживается стратегии Евразийского экономического выбора и тесного сотрудничества с Россией при многовекторном характере внешнеполитических отношений культурных связей. Об этом свидетельствуют интеграционные процессы 2000–2014 гг., результатом которых стало создание Евразийского Экономического Союза в 2015 г., возрастание роли Беларуси как посредника в урегулировании «украинского вопроса» (Минские соглашения, встреча «нормандской четверки»), расширение экономического и культурного сотрудничества с прибалтийскими государствами, Польшей и рядом других государств в 2011–2014 гг.

Возникающие время от времени противоречия между Россией и Беларусью зависят не только от экономических сложностей, но и от осознания межкультурных различий. Идеологема об общей истории и фактическом отсутствии разницы между белорусской и русской нациями кажется нам ошибочной и в конечном итоге препятствующей пониманию и равноправному взаимодействию.

Межкультурные отличия следует рассматривать в контексте отличительных особенностей культур, а не как оппозицию, враждебность одной культуры по отношению к другой. «Инаковость» культуры не означает отсутствие точек соприкосновения и возможность диалога. Один из специалистов в области межкультурной коммуникации и компетентности американский ученый Милтон Беннет указывал на то, что людям важно осознавать не сходство между собой, а различия, потому что все трудности межкультурной коммуникации проистекают именно из-за неприятия межкультурной разницы» [3].

Различия между культурами естественны и являются следствием разных сценариев адаптации к экологической и социальной системам (адаптация к природе и адаптация к себе подобным – людям), результатом которой становятся отношения, выраженные в культурных ценностях, к миру и природе, к людям («своим» и «чужим»), ко времени и пространству, к положению в обществе и т.д. В той или иной культуре практически перед каждым человеком возникают проблемы и задачи, требующие решения.

Национальные культуры предлагают собственные варианты достижения целей и задач. Смысл культуры (в ее национальном измерении) отражает отношение к бытию, его смысл. Поэтому смысл культуры и бытия является своего рода матрицей для индивидуального духовного мира личности и заставляет, по словам Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера «определенным образом его интерпретировать явления...». В то же время «всегда есть возможность перемен, если другие, более эффективные “решения” проблем, связанных с выживанием в конкретной среде, найдены и одобрены сообществом» [4, с. 65]. В свою очередь индивидуальный национальный культурный сценарий дополняется межкультурным взаимодействием, результатом которого становится общее ценностное пространство.

Применительно к Беларуси, как и ко многим другим культурам, это означает существование собственной системы базовых культурных ценностей и паттернов при влиянии мирового и славянского ценностного поля, создающих сходные культурные коды и формирующих основы для понимания.

Генезис, становление и развитие белорусской культуры имеет длительную историю: от так называемого Полоцко-Туровского периода до времени суверенного государства – Республики Беларусь. Формирование паттернов белорусской культуры происходило в условиях постоянного диалога с разными культурами и государствами. Так называемый славянский вектор в рамках восточнославянского государственного образования (Древняя Русь) и отдельных белорусских государств (Полоцкое, Минское и др. княжества) в XIII–XIV вв. сменился на интенсивное взаимодействие с литовской и польской культурами. Итогом сложной внешнеполитической обстановки стало создание общего для части восточных славян и балтов государства – Великого Княжества Литовского. Взаимодействие с культурой Московского княжества, русской культурой было вплоть до конца XVIII в. и далее в рамках Российской империи достаточно сложным и противоречивым, нередко кровопролитным. В то же время этот диалог приводил к взаимному обогащению и формированию оригинальных форм культуры.

История формирования и оформления белорусской нации и культуры демонстрирует важность, жизненную необходимость разноректорных связей и отношений. Представление о белорусской культуре и Беларуси как части русской или польской культуры, как и политизированные и идеологизированные версии вечного порабощения белорусов то со стороны литовцев, то со стороны поляков или русских, антинаучны и пагубны для выстраивания конструктивных равноправных, толерантных отношений. Несмотря на противоречивые и сложные отношения с польской и русской культурами, ассимиляции национальных паттернов культуры не произошло. Социально-политический опыт, накопленный белорусским этносом, привел к сохранению в ментальном поле национальной культуры интенций приспособления и адаптивности к изменениям социокультурной атмосферы не через отказ от собственной идентичности или ее смену, а через тактику

ухода от конфликта, самосохранения, консервацию традиций как ядра этнической, национальной культуры. Подобный психологический изоляционизм демонстрирует и привязанность к локальному, малой Родине, местным традициям, к проверенным временем и опытом предков ценностям. В то же время национальная культурно-историческая память требует дальнейшей реставрации и обновления.

Итак, отрицание различий культур, в частности между белорусской и русской, рождает тип восприятия, основанный на уверенности в том, что все люди в мире разделяют (или обязаны разделять) одни и те же ценности, убеждения, установки, нормы поведения или следуют единым моделям мышления. Поэтому позиция, связанная с представлением о всегда общей и одинаковой истории белорусов и русских (это в определенной степени справедливо для истории XIX – конца XX вв.), также не способствует межкультурному и межгосударственному сотрудничеству.

Не менее опасной является и установка на абсолютизацию межкультурных различий, которая чаще всего выглядит в виде превосходства «своей» культуры над «чужой». Такая позиция, как свидетельствуют многочисленные исследования, в частности американских антропологов и прежде всего Милтона Беннета, ведет к устойчивому представлению о том, что ценности и обычаи чужой культуры угрожают привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям и сложившемуся образу жизни. Как правило, своя культура выглядит идеальной, «чужие» очерняются; им приписываются негативные стереотипы. Подобная позиция достаточно активна (порой агрессивна) и нередко реализуется в утверждении собственного культурного превосходства и пренебрежении к другим культурам [3].

Признание различий между культурами, о которых мы говорили выше, представляется наиболее приемлемой установкой в межкультурной коммуникации, препятствующей конфронтации и благоприятствующей межкультурному и межкультурному диалогу. Она опирается на своего рода баланс между этноцентристской и этнорелятивистской позициями, полагая, с одной стороны, уникальность культур, а, с другой – их общность.

Литература

1. Robinson, W. I. A theory of global capitalism: production class, and state in a transnational world / W. I. Robinson. – Baltimore: The Johns Hopkins University. – Press, 2004.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: «Издательство АСТ», 2003.
3. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск: Попурри, 2012.
4. Milton, B. Intercultural Communication: A Current Perspective / B. Milton –[Electronic resource]. Mode of access: http://www.mairstudents.info/intercultural_communication.pdf